

УДК 314.74

Трансграничные миграции граждан Монголии в Южную Корею: ресурс или источник противоречий?*

С. В. Кириченко

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансграничной монгольской миграции в Южную Корею, ставшей одним из важнейших факторов экономического и социокультурного развития Монголии. Основное внимание в статье уделено трудовым, образовательным и брачным миграциям монголов.

Ключевые слова: миграция, диаспора, Монголия, Южная Корея, трудовые, образовательные, брачные мигранты.

Монголия стала активным участником трансграничных миграционных процессов. Благодаря открытой внешней политике и динамичному рыночному развитию она включилась в миграционные процессы в качестве страны-донора и страны-реципиента. Образовательная и трудовая миграция монгольских граждан в соседние и отдаленные страны приобрела значительные по меркам страны масштабы: за 2000–2010 гг. чистая миграционная убыль населения, определяемая расчетным методом по демографическим показателям, составила не менее 30 тыс. чел. [17, р. 50–51]. Помимо прочего, это означает, что из динамичного потока временных мигрантов, рассчитывающих рано или поздно вернуться на родину, формируется новый феномен – монгольская диаспора, ориентированная на постоянное проживание в принявших ее членов странах. И действительно, уже сложились значительные по монгольским меркам общины выходцев из Монголии в Южной Корее, США, России, странах Европы [3].

Сочетание обширной территории и природных богатств с малочисленным населением делает трансграничные миграции граждан Монголии одним из важнейших факторов экономического и социокультурного развития страны – одновременно и его ресурсом, и источником противоречий. Без внешних миграций трудно представить себе ускоренную модернизацию Монголии, но они же задают новые риски, проблемы и конфликты. Учитывая позиционные особенности страны, сложное соотношение интересов в ней ее ближних и дальних соседей, трансграничные миграции могут рассматриваться и как обладающие определенной геополитической «нагрузкой».

* Публикация выполнена при поддержке проекта РГНФ № 15-01-00243а «Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия».

В итоге, как и в большинстве развивающихся стран, трудовая миграция становится жизненной стратегией значительной части ее населения. И важное место в этой стратегии принадлежит Южной Корее – излюбленному адресату трансграничной монгольской миграции.

С конца 1980-х гг. Южная Корея столкнулась с нехваткой неквалифицированных рабочих, необходимых предприятиям малого и среднего бизнеса. При этом, в соответствии с Законом о контроле над иммиграцией, до 1998 г. не разрешалось трудоустройство в стране низкоквалифицированных рабочих из других стран [10, с. 162]. Тем не менее в течение 1990-х гг. в связи с возникшим дефицитом рабочей силы в отдельных отраслях промышленности Южная Корея все в большей мере превращается в страну, импортирующую трудовые ресурсы, иностранная рабочая сила стала привлекаться в различные отрасли южнокорейской экономики, в первую очередь в мелкие и средние предприятия и для выполнения грязных, тяжелых и опасных видов работ.

Согласно официальным данным, в 2014 г. 34,8 % всех трудовых мигрантов имели месячный заработок более 2 млн вон (1,9 тыс. долл. США). При этом росла доля мигрантов с заработной платой до 3 млн вон (2,8 тыс. долл. США) и сокращалась доля иностранцев, соглашающихся на зарплату ниже 1 тыс. долл. В Монголии же средняя заработная плата у мужчин равнялась в том же году 830 тыс. тугриков (440 долл. США), а у женщин – 770 тыс. (408 долл. США) [13]. В 2010 г. она была еще ниже: у мужчин – 242,6 тыс. тугриков (337 долл. США), у женщин – 219,3 тыс. тугриков (305 долл. США), в среднем около 320 долл. [12]; а в 1990-х гг. была вдвое меньше. Такой разрыв в заработной плате был и остается главным стимулом трудовой иммиграции монголов в Южную Корею.

Важно, что углубление двустороннего сотрудничества с Южной Кореей не несет видимых геополитических издержек для Монголии. Одним из привлекательных моментов в монголо-корейском взаимодействии является и то, что, в соответствии с двусторонним соглашением 2006 г., граждане Монголии в Республике Корея и Республики Корея в Монголии освобождены от обязательных выплат в пенсионные фонды [5].

Южнокорейская диаспора в Монголии невелика – в первой половине 2015 г. в Улан-Баторе проживало чуть больше 3 тыс. граждан Республики Корея; при этом, однако, действовали корейская школа и институт, десятки клиник и ресторанов [18]. Монгольская же диаспора в Южной Корее – одна из самых крупных. Уже в 2003 г. здесь проживало почти 20 тыс. монголов, в 2008 г. – 33 тыс., что было больше численности американской, японской и европейской диаспор монголов, вместе взятых. По сведениям Министерства юстиции Республики Корея, на сентябрь 2011 г. количество официально зарегистрированных и живших в стране монголов составило 29 454 человека, из них 11 723 человека были рабочими по контракту. На долю Южной Кореи приходилось тогда, в соответствии с данными Министерства иностранных дел и торговли Монголии, более четверти (27,6 %) монголов, проживавших за границей [14, р. 33]. По данным Корейской иммиграционной службы, на июль 2014 г. численность монгольских мигрантов в Корее достигла 41 979 чел. [16, р. 62].

И по абсолютным, и по относительным показателям преобладают среди монгольских мигрантов в Южную Корею трудовые мигранты. При этом большинство из них заняты в промышленности – добывающей, черной и цветной металлургии, машиностроении, производстве строительных материалов, химической индустрии, а также в строительстве и сельском хозяйстве (50,1 %). Также высока (25,2 %) занятость в сфере услуг – в ресторанах, розничной торговле и др.

Самое большое число рабочих мест сосредоточено в пригородах Сеула и в провинции Кенгидо. Обычно работа для иностранцев подразумевает занятость на предприятии малого и среднего бизнеса с числом работников от пяти до ста. Если нет квалификации, можно устроиться на текстильной фабрике, где самые распространенные вакансии – работник склада, по покраске и упаковке продукции. (В Корее широко распространено производство джинсовых изделий, поэтому и востребованы рабочие для их покраски, варки, сушки, сортировки и упаковки.) В металлообрабатывающей промышленности требуются рабочие в цеха. Востребованы и специалисты, работающие с литьем из бронзы и алюминия; здесь возможна и простая работа по изготовлению алюминиевой посуды, и более сложная – по выделке декоративных элементов, дверей или фурнитуры для мебели. Кроме того, есть множество вакансий на деревообрабатывающих заводах, стекольных фабриках и т. д. Несложно устроиться и на небольшие заводы по производству и переработке морской капусты. В сельском хозяйстве принимают работников на сезонную работу по сбору урожая риса и на постоянную – на животноводческие фермы.

Средняя продолжительность пребывания монгольских мигрантов в Республике Корея – 4,9 лет, в том числе мужчин – 4,6 лет, женщин – 5,2 года. Среди опрошенных С. Алгой (Algae S.) монгольских мигрантов в Южной Корее 47,5 % планировали вернуться в Монголию. Почти половина мужчин-мигрантов имели трудовую визу, тогда как 27,8 % женщин проживали по студенческой визе, а у 28,5 % мужчин и 34,8 % женщин виза была просрочена, и они проживали нелегально [14, р. 43; 17].

Сейчас проблема нелегалов не такая острая, как в предыдущее десятилетие, но все равно остается актуальной. Южнокорейское правительство периодически прибегает к депортации значительного количества иностранных рабочих, в том числе монголов, находящихся в стране незаконно, что, кстати, вызывает недовольство представителей корейского частного бизнеса, стремящихся использовать дешевую иностранную рабочую силу [1, с. 49].

Уезжают из Монголии в Южную Корею большей частью образованные люди. Половина мигрантов имеет высшее образование (в том числе 62,8 % женщин и 42,1 % мужчин); у 31,5 % мужчин и 18,2 % женщин – образование среднее. Большинство мигрантов имеют профессии в социальной и экономической сферах – 32,5 %, в технической – 13,9 % [14, р. 36]. Относительно высокий уровень образования трудовых монгольских мигрантов в Республику Корея подтверждается и другими исследованиями. Поэтому неудивительно, что с течением времени они становятся востребованными и в тех областях занятости, которые обычно не считаются «мигрантскими». Показателен здесь

пример монголки Халиун. Она приехала в Сеул в 2000 г. после окончания отделения корейского языка в Национальном университете Монголии. В Сеуле она получила степень магистра по экономике в университете Сангьонг, в 2004 г. вышла замуж за корейца, а в 2008 г. стала гражданкой Южной Кореи. И в том же году она сдала письменный экзамен по корейской истории, нормам международного права и иностранному языку, успешно прошла интервью, была принята на работу в Иммиграционную службу и стала, таким образом, первой в Республике Корея натурализованной иностранкой-госслужащим [7].

Помимо трудовых мигрантов, сотни молодых монголов прибывают в Южную Корею для получения высшего образования, в отдельные годы – до 1700 человек [18]. По данным Информационной службы Республики Корея, в конце 2012 г. в стране насчитывалось почти 5 тыс. (4952) монголов, обучающихся в местных учебных заведениях; по численности они уступали только студентам из Китая [16, р. 66].

Следует учитывать, что граница между трудовой и учебной миграцией монголов в Южную Корею размыта. Немало монгольских студентов настолько активно вовлечены в различные сферы занятости, что учеба становится для них побочным занятием.

С учебной миграцией связана и проблема невозвращения, поскольку многие из студентов остаются после окончания обучения за границей. Более того, часть из вновь поступивших в корейские вузы монголов сознательно использует учебу как стартовую площадку для постоянного проживания за пределами Монголии. Завершение учебы при таком подходе не представляется им обязательным [4, с. 6].

Помимо трудовой и образовательной существует брачная миграция. Монголки иммигрируют в страну через международные брачные агентства. Средний возраст монгольских жен – 25 лет, а возраст их мужей-корейцев – 44,5 года; при этом многие невесты имеют лучшее образование, чем у супругов [15, р. 7]. 61,3 % монгольских женщин-иммигранток приехали в Корею с дипломом об окончании колледжа. Поэтому у них есть возможность получить достойную работу. Кроме того, как отмечают корейские исследователи, монголы владеют корейским языком значительно лучше, чем немонголы. Это большой плюс в глазах принимающего общества. Для корейцев очень важен социально-экономический статус приезжих. Минусом в их глазах считается отсутствие недвижимости.

После китайских корейцев у монголов – второй уровень (71,3 %) возможности натурализации или приобретения корейского гражданства. У монголов наблюдается выраженная связь с семьей, оставшейся в Монголии. Корейское гражданство, полученное одним из членов семьи, позволяет другим иммигрировать в Корею. Считается, что брак с монголом или монголкой предпочтительнее брака с китайским корейцем или филиппинцем.

В 2009 г. в Корее насчитывалось 1830 корейско-монгольских семей, а это 7-е место по численности среди международных браков. В этих браках жены-монголки составляли 98 %. Смешанные семьи в основном проживают в Сеуле

и приграничных провинциях. Около 55 % из них приехали в Корею после 2005 г. [16, р. 64].

За десятилетие 2002–2011 гг., т. е. в тот период, когда ежегодное количество корейско-монгольских браков было выше ста, по линии брачной миграции в Южную Корею уехала 4151 гражданка Монголии. Пиковым в этом отношении был 2007 г., когда замуж за южнокорейцев вышла 701 монголка. Но после того как правительство увеличило финансовые требования для корейских мужчин, чтобы уменьшить число смешанных семей среди бедной части населения, и ужесточило языковые требования для потенциальных жен и надзор за брачными агентствами, количество корейско-монгольских браков стало сокращаться, упав в 2011 г. до 230 [19, р. 1055].

Вообще говоря, в результате межнациональных браков возникают семьи, которые требуют особого внимания со стороны государства и дополнительных расходов по адаптации жен и социализации детей. По данным профессора политологии кафедры азиатских исследований в колледже Уэллсли (США), старшего научного сотрудника Брукингского института Кэтрин Мун (Katharine H. S. Moon), 40 % детей из смешанных семей в Южной Корее с трудом говорят по-корейски [6].

Поэтому в стране созданы и создаются различные структуры для оказания помощи женщинам – брачным мигрантам. Так, Министерство гендерного равенства координирует деятельность Центра оказания экстренной помощи (Emergency Support Center for Migrant Women), предоставляющего консультационные услуги по юридическим вопросам и вопросам по правам человека. Корейским иммиграционным центром созданы ассоциации иммигрантов (Immigrant networks) для иностранок, являющихся супругами корейских граждан. Их цель – защита прав данной категории лиц. Кроме того, существуют образовательные программы для подготовки к браку мужчин – граждан Кореи (Prenuptial Education for Korean Men), планирующих жениться на иностранках. Курсы затрагивают вопросы заключения международных браков и соответствующего законодательства. Цель программ – избежать заключения неудачных браков [8].

В Республике Корея действуют различные программы, направленные на привлечение и адаптацию мигрантов из Монголии. Монголо-корейские школы, детские сады и христианские церкви ориентируют молодежь на миграционные стратегии. В августе 1999 г. группой корейских студентов в Сеуле была открыта Международная монгольская школа для детей трудовых мигрантов. Один из ее основателей Юу Хэ Гин отмечал, что после того как начался рост числа монгольских граждан, прибывавших для работы и учебы, «встал вопрос о решении социальных проблем, предоставлении возможности получения среднего образования для детей в школе монгольской образовательной системы» [9]. Сначала в этой школе начитывалось всего 8 учеников, в 2011 г. было зарегистрировано 80 учащихся, а в 2015 г. – 140 монгольских детей, обучавшихся в классах с первого по девятый. Большинство из них – дети недокументированных мигрантов: из-за отсутствия официального статуса у родителей они не могут позволить себе учиться в обычных правительственных школах.

В качестве базового используется монгольский язык, но изучается и корейский. Из 16 выпускников 2016 г. трое вернулись в Монголию, остальные перешли в средние школы Кореи. По отзывам учителей, учащиеся обычно хорошо приспосабливаются к южнокорейским школам, несмотря на сложности, связанные с переходом на корейский язык как язык преподавания [9].

В Южной Корее создаются разнообразные общественные организации монголов-мигрантов, активно действует большое количество сайтов. Проводятся регулярные встречи представителей властных структур с представителями монгольских граждан, которые живут и работают в этой стране. Проблемы мигрантов обсуждаются и решаются по мере их поступления. Показательно состоявшееся в октябре 2015 г. совещание мэра Сеула г-на Пак Вонсуна с представителями центра социального обеспечения Южной Кореи, Ассоциации монгольских граждан в Южной Корее, выпускников университета Южной Кореи, Союза монгольских студентов и Ассоциации женщин в Корее.

Плюсы монгольской миграции в Южную Корею не сводятся к одним только денежным переводам, которые монголы посылают домой. Ежегодные переводы денег оцениваются в 77,4 млрд вон, что составляет 7,1 % годового ВВП Монголии. Находясь в стране-реципиенте, они осваивают новые технологии, приобретают высокие профессиональные навыки, впитывают расширяющую их кругозор иностранную культуру – вот положительные аспекты миграции в Южную Корею. К негативным последствиям миграции можно отнести отъезд людей трудоспособного возраста, увеличение числа разводов, невозможность заботиться о членах семьи и быть активно вовлеченным в детское воспитание на родине.

Таким образом, трансграничные миграции граждан Монголии – один из важнейших факторов экономического и социокультурного развития страны: его ресурс и источник противоречий. Как и в большинстве развивающихся стран, трудовая миграция становится жизненной стратегией значительной части ее населения.

Список литературы

1. Балдано М. Н. Монголия на перекрестке внешних миграций: монгольские мигранты в Южной Корее / М. Н. Балдано, С. В. Кириченко // Символ науки : междунар. науч. журн. – 2015. – № 9, ч. 2. – С. 45–50.
2. БНСУ-д 15 мянган монгол иргэн хууль бусаар амьдардаг [Электронный ресурс] // TIMES.MN: Тэнцвэртэй мэдээлнэ. – 2015. – URL: <http://times.mn/p/6035/> (дата обращения: 20.12.2015).
3. Галиймаа Н. Монголия на перекрестке внешних миграций. Международная конференция [Электронный ресурс] / Н. Галиймаа, Н. И. Дятлова // Демоскоп Weekly. – 7–20.12.2009. – № 401–402. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/nauka03.php> (дата обращения: 18.12.2015).
4. Галиймаа Н. Монголия – перекресток миграций [Электронный ресурс] / Н. Галиймаа, Н. Липатова. – 08.06.2009. – URL: <http://buriyatia.asia/mongoliya-perekrestok-migracij/> (дата обращения: 14.08.2015).

5. Двадцать пять лет дипломатическим отношениям между Монголией и Южной Кореей [Электронный ресурс] // Монголия сейчас. – 27.03.2015. – URL: http://news.mongolnow.com/27_03_01.html (дата обращения: 19.11.2015).
6. Демографические изменения в Южной Корее в свете миграции [Электронный ресурс]. – 28.10.2015. – URL: <http://cont.ws/post/140390> (дата обращения: 05.11.2015).
7. Женщина из Монголии сдала экзамен в государственную службу Южной Кореи [Электронный ресурс] // Новости Южной Кореи. – 04.07.2008. – URL: <http://southkoreanews.ru/story/504> (дата обращения: 18.12.2015).
8. Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов : пер. с англ. – М. : Междунар. организация по миграции, 2011. – 196 с.
9. Монгольские дети в Корее получают образование как дома – мэр Бат-Уул проверил [Электронный ресурс] // ARD (Asia Russia Daily). – 05.05.2015. – URL: <http://asiarussia.ru/news/7305/> (дата обращения: 15.08.2015).
10. Морозов Н. А. Особенности государственного регулирования миграции в странах АТР / Н. А. Морозов, В. А. Коробеев, Я. Г. Крылова // Бизнес в законе : экон.-юрид. журн. – 2008. – № 4. – С. 160–164.
11. Отношения Монголии – Южной Кореи [Электронный ресурс] // WikiLingue : сайт. – 18.05.2006. – URL: http://ru.encydia.com/en/Монголия_Отношения_Южной_Кореи (дата обращения: 20.12.2015).
12. Средняя зарплата в Монголии – 320 USD [Электронный ресурс] // Байкал 24 : Информационное агентство. – 19.12.2010. – URL: <http://baikal24.ru/text/19-12-2010/srednyaya/> (дата обращения: 02.09.2015).
13. Средняя заработная плата монголов составляет 762,9 тысяч тугриков [Электронный ресурс] // Голос Монголии. – 17.06.2014. – URL: <http://ru.vom.mn/d/560017.06.2014> (дата обращения: 15.12.2015).
14. *Algae S.* Impact of Out-Migration to Korea: Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia [Electronic resource] / Solongo Algae // The Journal of Multicultural Society. – 2013. – Vol. 4, N 1. – P. 32–75. – URL: <http://www.omnesjournal.org/public/omnes.php> (mode of access: 18.12.2015).
15. Asia Women Network Supporting Married Migrant Women's Human Rights [Electronic resource] // Asian Workers News. – 10.12.2006. – URL: http://www.sopra21.org/awn/eng_pdf/216.pdf (mode of access: 18.12.2015).
16. *Jin-Young Kim.* The Reality of Immigrants: A Long Journey from Mongolia to Korea / Jin-Young Kim, Young-Jun Lee // International Review of Social Sciences and Humanities. – 2015. – Vol. 8, N 2. – P. 61–69.
17. Implications of demographic trends for socio-economic development and public policy in Mongolia [Electronic resource] / United Nations Population Fund, Mongolia Country Office. – URL: <http://unfpa.org.mn/Demographic%20study%20English.pdf> (mode of access: 19.12.2015).
18. 'Korean Dream' fills Korean classrooms in Mongolia [Electronic resource] // The Chosun Ilbo. – 24.04.2008. – URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2008/04/24/2008042461009.html (mode of access: 18.12.2015).
19. Tseden Tsetsegjargal. Marriage Migration of Mongolian Women to South Korea // Sociology Study. – 2014. – Vol. 4, N 12. – P. 1050–1059. – URL: <http://www.davidpublisher.org/Public/uploads/Contribute/55482667d45bc.pdf> (mode of access: 20.12.2015).

Transboundary Migrations of the Mongolian Citizens to South Korea: a Resource or Source of Contradictions?

S. V. Kirichenko

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article features the study of the transboundary Mongolian migration to South Korea, which has become one of the most important factors of economic and sociocultural development of Mongolia. The article is focused on labor, educational and marriage migrations of the Mongols.

Keywords: migration, diaspora, Mongolia, South Korea, labor, educational, marriage migrants.

Кириченко Светлана Викторовна

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)214626
e-mail: l-a-n-a@mail.ru*

Kirichenko Svetlana Viktorovna

*Candidate of Sciences (History),
Senior Research Scientist
Institute of Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)214626
e-mail: l-a-n-a@mail.ru*